18+

Ольген Би

Контракт

его души

Ольген Би
Контракт его души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234481
ISBN 9785448321092

Аннотация

После клинической смерти Геннадий, как многие другие, получил необычные возможности, но со временем не утратил их, а усовершенствовал, помогая людям самым необычным образом.Все истории здесь – мемуары, но они мистические, потому что выходят за рамки обычных воспоминаний своей одной жизни. И это только маленькая капля рассказов и путешествий к другим мирам обычного человека, для которого пришло время узнать больше, открыть дверь в безграничный мир.

Содержание

Вступление 5
1. Репетиция смерти 10
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Контракт его души

Ольген Би

Каждый человек – это мир. Признать это, принять это и исчезнут конфликты, порожденные упреком, причиной которого собственное непонимание. Тогда можно будет в полной мере радоваться успехам других, любоваться творчеством, сопереживать ошибкам, помогать их исправлять и учится жить в новом мире, где мрачные тени войн и пороков уйдут в прошлое.

© Ольген Би, 2025

ISBN 978-5-4483-2109-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Какая разница между картинами и мемуарами? Да никакой. И в том и другом случае автор пытается перенести на плоскость многомерный мир. С помощью приемов, инструментов, красок поместить на чистый белый лист кусочек огромного мира с эмоциями, запахами, перспективой в будущее и памятью о прошлом какого-то места или человека.

Не знаю как у кого, а у меня несоответствие возможностей передать на холст все многообразие видимого и невидимого мира просто отбивало желание браться за краски. Хотя в карандаше запечатлеть эпизодик-другой я была совершенно не против. Для меня эти зарисовки становились «напоминалками» моментов моей жизни, иллюстрациями или скорее окошками в мир прежних впечатлений. Тем, кому довелось увидеть эти рисунки, оставалось только довольствоваться слабым отголоском моих впечатлений и анализировать уровень мастерства исполнения.

Можно поддаваться неудержимым порывам взяться даже за огрызок карандаша, когда красота мгновенья требует запечатлеть ее, совместить свое видение прекрасного и мастерство, чтобы… размазать по поверхности плоского листа это великолепие. Я стала избегать этих порывов, карандашей, кистей, а работа художником на предприятии отбила последние крохи желания рисовать. Наверное, если бы не вбивала,

в буквальном смысле, в мою голову мама мысль, что я ничтожество и не достойна жить в этом мире, то я могла гордиться своими талантливыми работами, могла бы выставляться и продвигаться на этом поприще. Но все же мне кажется, что пресловутые запои творческой личности продиктованы отчаянием так и не невыраженных чувств, когда душа устремляется слишком высоко от бренного тела на короткое время, а потом шлепается в омут простого человеческого быта.

Так бы я жила в серенькой обыденности, старательно избегая взлетов и падений, не встреть этого человека, внешность которого не бросалась в глаза.

Я узнала этого человека по стуку своего сердца. Что оно мне говорило было совершенно непонятно. Он был легендарной личностью на своей простой работе. Может быть поэтому? А может быть потому, что его имя засело где-то глубоко после слов одного водителя нашего автобусного парка, который предрек мне встречу с ним. Тогда я не просто отмахнулась, а даже раздосадовалась, сочтя это не то чтобы шуткой, а отголоском его цыганских корней. В нашем автопарке много лет работала трудолюбивая цыганская семья на разных должностях, целая династия уважаемых людей и относиться к словам одного из них, как к легкомысленному трепу я не могла, но и поверить, что выйду замуж за человека, которых полюбит не только меня, но и моих сыновей было невозможно. Для этого нужно быть безответственным дураком или полюбить так сильно, чтобы все проявле-

ния любимой женщины стали сутью твоей жизни. И вот спустя много лет я узнала, что так бывает.

Мне оставалось принять все его странности и все его пережитки прошлого. Но все же все годы, что мы жили вместе, далеко не все странности укладывались в голове. Принять их и остаться в «своем уме» мне до сих пор сложно.

Я перебираю в памяти сюжеты его историй, эпизоды жизни и ищу ответы на вопрос «кто же он»? Это похоже на просмотр семейного фотоальбома, где возникает вопрос «как этот пузатый карапуз стал таким бородатым дядькой»? На такой риторический вопрос можно найти шутливый ответ, а вот на мой… лучше оставить без ответа и наслаждаться фактом его существования.

Вот тут-то я и столкнулась с «творческим зудом», когда невозможно не писать о нем. И все мысли, что я не писатель, что я ничтожество и не достойна… Ох уж это пресловутое «достойна»! Даже первая неумелая попытка запечатлеть на бумаге маленький эпизод показала нам двоим необходимость этого мероприятия. Получился, своего рода Портал – выход в другой мир. Открывал эту дверь Гена и рассказывал мне, что он видел там. Я старательно конспектировала, уточняла и переносила на бумагу все детали. Так у нас получалась картина. Одна, другая, третья. Мы могли просматривать их по желанию, погружаться в тот мир или просто упоминать в повседневности. С плоской серенькой обыден-

ностью было покончено. Но с чего все это началось? Пусть будет причиной так называемая, клиническая смерть. Это явление так прочно вошло в жизнь многих, что объясняет необычные способности и возможности, появляющиеся после пережитого путешествия в посмертие. Околосмертный опыт – более точное определение, прочно вошедшее в обиход современного человека.

Способность видеть свое прошлое показала, что начало приключений было не после второго околосмертного опыта, а тем более не после первого. Но узнать все в этой жизни просто невозможно, это бесконечный детектив со смертями и развязками, новыми сюжетами и новыми действующими лицами. Одна картина сменяет другую, являясь продолжением, но совершенно отличаясь сюжетом. Ключ к пониманию всего этого в осознанности жизни, каждого ее момента. Чем больше таких моментов, тем шире перспектива, спокойнее жизнь и удивительней человеческие возможности. Чудеса для нас стали объяснимы.

Интересно, что получится, если расставить картинки жизни не в хронологическом порядке как в фотоальбоме, а по яркости впечатлений? Конечно, тянет к звездам, но ощущения там не дотягивают до удовольствия от купания с дельфинами. А если вспоминать те случаи, когда гена гостил в теле вороны? Подробности полета и устройства самой птицы поражают. Да вообще все подробности, которые удавалось выяснить ему совмещаясь с животными или други-

ми мирами не идут ни в какое сравнение с научными изысканиями наших ученых. Наверное надо просто пересматривать эти приключения его души как придется, иначе в списке главным, но не первым отправным пунктом Генкиных похождений будет самая длительная остановка сердца. Это совсем не яркое впечатление, скорее самое мрачное. Правда благодаря ему Гена много лет благоухал такими тонкими и чарующими запахами цветов, благовоний и еще непонятно чего, что заставляло его знакомых спрашивать название парфюма которым он пользуется и который не смывается.

Нет, все же лучше мрачное и тяжелое сразу обсмаковать и оставить в прошлом. Пусть даже оно сыграло огромную роль в будущем.

1. Репетиция смерти

Майские праздники закончились. Гена осваивал заросший весенней травой, склон. Где-то громко зазвонил колокол. Гена выпрямился и прислушался:

– «Красиво звонит! Так мелодично и в то же время громко. Надо поехать в центральный собор на какой-нибудь праздник и позвонить в колокол самому. Может, правда астма пройдет. Да еще зуб этот противный вылечится? Хотя, так все болезни можно было бы вылечить. Интересно, а какой праздник сегодня, раз колокол звонит?» – Эти мысли, и звон колоколов отвлекли от работы и Гена пошел пытать по этому вопросу жену.

Жена в этом вопросе оказалась дремучая. Мало того, рядом с их жилищем никакого собора оказывается не было. Они вообще жили в промышленном районе. Гена задумался. Не над наличием церквей, а над тем, что Юлька этого звона вообще не слышала. Это было просто не возможно! Получается, что звонят колокола только ему. Или по нем? Хорошая работа прогоняет плохие мысли. Вот этим и решил заняться Гена.

4 мая обещали заморозки. Гена с Юлей решили жечь ночью костры. Строительная свалка, где обосновались они, по-

чти не давала урожая. Но деревья были все в цвету и обещали отблагодарить фруктами за заботу. Да и как не помочь – живые ведь, вон какие почки налитые и кое-где уже распустились. Собрали днем сухие ветки, стружку, а сверху свежескошенную траву для дыма.

День почти прошел. Костры были готовы, и можно было поужинать, отдохнуть, ведь ночь должна быть нелегкой.

Гнать Юльку спать было бесполезно, все равно рядом будет крутиться. Стоит только ей удобно устроиться рядом, как у нее начинается воображариум:

– «Здесь мы закруглим стену, сделаем окошко на восток и будем встречать рассвет в любую погоду. А там лесенка, полочки, шкафчики, цветочки…»

Она сильно донимала его своими идеями, а он слушал ее как шум моря в тихий теплый день. Она, конечно, звала его помочь, особенно если шкаф, который ей хотелось переставить самостоятельно, почему-то падал. Его забавляли удивленные глазенки из-под шкафа или из-под груды кирпича. Нет бы подумать о технике безопасности или просто рассчитать свои силы, но куда там, азарт «делателя» затмевал все расчеты.

Сейчас она хлопотала у плиты и что-то щебетала. Кажется, про неудобный и слишком длинный участок, стройматериалы не там где надо бы. Волновалась, что Гена устал

за день на работе, а ведь астма никуда нее делась. Предлагала поберечь себя, но как?

Генке не хотелось пить лекарства по пустякам, но все окружающее уже казалось, подернулось дымом от постоянной нехватки воздуха. Нужно поспать хоть часок.

– «Нарублю дров еще немного, чтоб хватило и посплю», – думал Гена, когда подошла Юлька, демонстративно подбоченясь и, напустив на себя грозный вид, пытаясь втиснуться в роль грозный жены.

– А ну-ка, лесоруб, иди быстренько ужинать. Костром больше, костром меньше – мне все равно. Вот мужем больше, мужем меньше – это уже другое дело. (Глупая шутка. Знать бы это тогда. Но что бы могло измениться?) Я тебя ночью голодного на себе, что ли между кострами носить буду?

Может, на кого-то грозный вид и подействовал бы адекватно, но Юльке не удавалось скрыть озорной блеск глаз. Хрупкая, с хвостиком светлых волос она казалась девочкой. Если бы не седина пережитого. И как это все втиснулось в такую недолгую жизнь?!

Гена все пытался понять, где она хранит этот задор и терпение. И как она может так, без оглядки, любить? Но спорить и, правда, не было смысла, даже в шутку, и он поплелся, усталый, к столу.

После ужина астма немного поутихла, напряжение спа-

ло и, как всегда после приступа, захотелось спать. И время позволяло, и Юлька тихонько сидела рядом что-то вязала. Все убаюкивало, и Гена заснул. Юлька выбралась потихоньку в сад раздувать костры. Дым охватил всю окрестность, опустился мягким покрывалом на сады внизу. От дыма слезились глаза, но думать об этом не хотелось. Дым разбудил Геннадия. Он вышел и, не успев стряхнуть с себя сон, тут же получил порцию крепкого дыма в лицо. Закашлялся, отдышался и принялся помогать жене. Юлька носилась от одного костра к другому с фанеркой для раздувания огня, и прибежала к тому месту, где сидел на полене Генка, веселая и пропахшая дымом. Собралась уже поделиться впечатлениями, когда увидела лицо мужа.

Гена уже даже не хрипел, он сипел, ссутулившись, жадно глотал воздух, как рыба на берегу. Было ли лицо серым, или еще каким – не видно. Да уже и не важно.

Юлька опрометью бросилась в дом за лекарствами. Но как в темноте его колоть? Пока Гена заталкивал в рот таблетки, она судорожно набирала в шприц лекарства. Укол Гена, казалось, не ощутил.

– «Лишь бы скорее подействовало» – металась в голове одна только мысль у Юльки. Руки дрожали. Мысли тоже.

– «В доме светло, но в такой позе его не дотащить». Нужно сделать массаж грудной клетки, может расслабится, и тогда волоком, потихоньку, упираясь ногами и руками в порог,

стены, можно втащить в дом. Подальше от дыма.

Массаж немного помог, и Гена прохрипел:

– «Воды».

Идея дотащить была видимо не та. Ему нужен этот холод. И Юлька уже знала, что нужно снять рубашку и обтирать его холодной водой. Обдувать и делать массаж. Хорошо, что на улице уже «минус». Генке всегда жарко в таком состоянии.

Привычные манипуляции все равно не приносили уверенности, что сделано все возможное и сделано правильно. Знать, когда закончится приступ совершенно невозможно, объем легких у него от занятий спортом большой и это значит мученье не пятиминутное. И закончится ли?! Остается только верить. Верить и надеяться. А главное – любить. Когда любишь беззаветно, мысли о себе не мешают помогать в трудных ситуациях. А пока оставалось ждать, когда подействуют лекарства. Ведь приступ удушья был от усталости, нервотрепки с последним несостоявшимся клиентом и от дыма. И этот дым никуда не девался. Костры «работали» исправно как по закону подлости. (Кто интересно вывел этот закон?) Юля поняла, что ситуация совсем не стандартная и придется вызвать «скорую помощь».

Телефон был у сторожей на соседней базе. Но до него еще нужно добежать, а это значит оставить Гену. По крайней ме-

ре, его погрузят и вывезут отсюда. Организм мужа лекарства не принял, и к судорожному состоянию добавилась рвота лекарствами. Вместе с удушьем это жуткое зрелище. Ну и как его теперь оставить?

Перебирая в голове другие решения, Юлька решила отказаться от услуг ума. Она, как безумная в буквальном смысле, бросилась бежать к телефону.

Бежать приходилось под горку по плохой грунтовой дороге, потом через шоссе. Она падала, поднималась и, не успев еще распрямиться, бежала дальше. Ноги не успевали за ней и часто подводили.

Стучать в окно сторожки, она не боялась. Мысли остались там, возле мужа. Сторож вяло открыл калитку, когда увидел в окно женщину. Но сон слетел с него, когда в освещенный дверной проем вошла женщина с разбитыми коленками и ладонями, с прерывающимся от бега, свистящим дыханием. Он помог набрать номер «скорой». Телефон был с диском, и она никак не могла попасть на нужную цифру. Но даже будь он кнопочный – руки у нее тряслись, губы тоже и объяснить дежурному «скорой помощи» она едва смогла. Там, на том конце провода эмоции не учитываются и не влияют на скорость записи.

После звонка Юльку как ветром сдуло. Только на полу остались капли свежей крови, собравшиеся в лужицу возле

телефона.

Вернувшись домой, она поняла, что Генке стало хуже.

Гена корчился на земле, мокрый и холодный. Жена судорожно пыталась облегчить его страдания, поливая водой, растирая грудь, обкладывая мокрыми полотенцами, чтобы сильнее охладить тело. Сознание Гены переживало тоже своеобразный спазм. Казалось, что закрываются все двери, не только двери в легкие, но и двери в этот мир. Всё съежилось в нем до нестерпимой боли, до жуткого отчаяния. И только Юлька, маленькая беспомощная Юлька не давала сознанию угаснуть, не давала совершить прыжок в спасительную беспредельность и оставить ее навсегда.

Когда Юля начала растирать грудь, руки, ноги закоченевшего мужа, он с трудом просипел:

– «Вот и все. Молись».

Для Гены воздух в легких стал невыносимо твердым, он горел в каждой клеточке измученного тела. Хотелось окунуться в ледяную воду, чтобы потушить эту топку. Как ни хватай ртом воздух извне, он не попадает внутрь – дверь закрыта. Это не цепи, не оковы, которые можно разорвать в предсмертной агонии, наполняющей неистовой силой, безмерным желанием жить. Это бестелесные руки смерти. Это адское пламя. И никакие обливания водой на морозе в этот раз не помогали. В груди хрипело, и если этот хрип вырывался наружу, то уносил с собой огненный воздух. Но и это

не приносило облегчения, потому, что вместо него не попадал морозный воздух улицы. Вместо него приходили спазмы, сжимая тело в каменную глыбу.

Оставить ее опять на века, как это было раньше. А потом искать в этом огромном мире людей, живущих в суете, отрешенности от самой сути жизни. И он нашел в себе силы, собрал все крохи любви, задавленные жуткой болезнью в этот миг, чтобы выдавить из себя последнюю просьбу:

– «ЗОВИ!!»

Она поняла, что он уходит. По серым губам, по стекленеющему взгляду, по скованным мышцам всего тела. Безмерно-любимого тела, наполненного чудным бессмертным духом. Мысли о себе, покинутой и одинокой, возможно придут, но это будет позже, не сейчас. А лучше бы и никогда. Их души нашли друг друга здесь и соединились светом того знания, что не разделит их нигде.

Когда так мучается любимый, ни одна мысль о себе не мешает жить его проблемой. И только его слова, едва слышные, едва понятные, но наполненные такой неистовой силой, отрезвили ее, остановили и заставили задуматься:

– « Кого звать?»

Он завалился на нее неожиданно, и обмяк. Она начала его тормошить, бить по щекам. А он как-то податливо распластался на замерзшей земле, и широко открытые глаза были обращены к звездному небу. Он не дышал. Его тело станови-

лось землей этого мира. И она на коленях, сидя рядом, с любимым человеком дико закричала:

– «Люди! Где вы? Помогите! Хоть кто-нибудь! Умоляю!» Она кричала недолго, но голос быстро охрип и безответно повис в тишине. Какие могут быть люди в этой дали! Кто еще может жить на отрезанном от цивилизации клочке земли?!

Как-то вдруг рассыпались все постулаты веры, заученные фразы, имена. Она на миг растерялась и замерла. Из памяти всплыло имя Архангела Михаила. Именно его помощь нужна в первую очередь, именно он поможет обрести здравомыслие в критический момент. Потом, обретя какую-то твердость и уверенность, она произнесла имя Матери Марии. Эти имена так часто произносились, что не заставили Юлю напрягать память в миг решающей ситуации, хотя собраться с мыслями в такой момент мало кому удается.

Слова наполнились образами, увиденными на иконах, на картинах. Она встала с колен, оставив лежать на земле съеженный комочек тела своего мужа, и, продолжая разгибаться во весь рост, выкрикивала в темноту имена святых и ангелов каким-то незнакомым самой себе твердым голосом.

Тьма вокруг казалась вязкой и густой. Вся ситуация, в которой оказались эти двое, была одновременно тягу-

чей и стремительной, глухой от отчаяния и беспомощности. Мрак ночи окутывал так плотно, что ощущение погребального савана разрывало сознание на части, растаскивая последние силы, просачиваясь в бездонную тьму ночи. А зов к созданиям Света, казалось, проваливался в вату, окутавшую все вокруг, и казался напрасным.

Дым угасших костров смешался с туманом и отгородил эту сцену борьбы со смертью от всего остального мира. Но он же и придал черноте серый цвет, ослабив ее гнет. И Юля, обращаясь к небу и глядя в него, почувствовала неясный звон внутри. То ли это был отзвук ее голоса, потерявшегося в пустоте, утонувшего в ней самой, то ли звенело все вокруг от ее голоса. Она замерла и прислушалась к себе, к миру вокруг, к воздуху.

Да, воздух стал прозрачнее. Она сама стала прозрачнее, сбросив с себя отчаяние борьбы с этой тупой безжалостной болезнью мужа. Кольцо окружило место этого события так незаметно плавно, что только диск звездного неба прямо над головой свидетельствовал о том, что это произошло. До самых звезд высились лучезарные фигуры людей, окруживших освященное молитвой место. Тишина звенела торжественно и величаво. Она вручила бесценную душу в руки Архангелу Михаилу, Матери Марии, которую она всегда побаивалась звать или обращаться к ней.

Позвать можно многих, но может быть достаточно и этих могущественных покровителей человечества? Сомнения всегда были спутниками Юли, прорвались они и в этот миг через завесу отчаяния. Отчаяния, толкающего обращаться к кому угодно, лишь бы получить помощь. Но, когда она воочию увидела это величественное зрелище, то сомнения рассеялись. Со стороны это казалось столбом света, уходящим в бескрайнее небо. Сейчас Юля была внутри этого света, наполненного чистым воздухом. Наверху – звездное небо, а вокруг него туман и легкий дым, у ее ног лежал муж. Он не дышал, не сжимался в комок. Он, казалось, слился с ледяной землей, распластавшись на ней, обратив лицо к небу.

Собаки притихли и только почему-то слегка постанывали. Они не выли, не скулили, а просто тихо лежали на земле за пределами этого круга так, как если бы сверху их придавили аж до слабого стона. Но не кто-то злой и чужой, а добрый и любимый.

Эта величественная картина отвлекла Юлю от мужа, но когда она снова посмотрела на него… на его тело… Может, она мало молилась? И «там» ее плохо слышали. Пришли, посмотрели и ушли. И как смирение пришла на память молитва:

«Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, что не могу изменить,

мужество изменять то, что могу и мудрость всегда

отличать одно от другого».

Она обреченно и уже спокойно оставила Гену. Настолько спокойно, что могла рассудительно подумать о том, какие вещи, документы нужны, когда его будет забирать «скорая», констатируя смерть. Она встала и пошла в дом. Никто ей не поможет. «Скорая» потребует документы независимо от ее состояния. И она пошла переодеваться и собирать документы. Спешить больше некуда. Время ее не интересовало. Ум принял бразды правления и диктовал, что нужно взять, что надеть, ведь на улице мороз. Мужу вещи не нужны уже. Денег на такси все равно не было. Куда его повезут – неважно. От ближней больницы можно дойти домой часа за полтора. От центральной – за шесть часов. Нужно только смыть кровь с коленей и рук, чтобы не беспокоить медперсонал.

– «Почему-то долго нет «скорой», – подумала только теперь Юлька. А может ей так только кажется? Но решила позвонить еще раз.

Сторож не мог уже задремать и, не сразу узнав Юльку, все же впустил опять. Видимо, она очень изменилась за короткое время. И он уже не мог сказать, какая она напугала его больше – та или нынешняя. Она спокойно набрала номер и спросила, сколько еще нужно ждать. Оказалось бригада «скорой» просто не знала, что улица, указанная в вызове, гораздо длинней: они просто не доехали и вернулись. Пришлось объяснить еще раз. И еще раз попросить сторожа

встретить машину, чтобы спокойно пойти домой.

Все это время Гена лежал в спортивных брюках на мерзлой земле, у входа в дом. Юля попыталась подложить под него покрывало, но тело было тяжелым и не гнулось. Было жутко, и она села рядом. Уже светила луна, и мрачная громада дома без единого огонька с недостроенными стенами с половиной крыши, казалось, нависала и давила. Она увидела вдруг этот дом совершенно иначе. Он уже не был воплощением их идей и надежд. Теперь он казался упреком в том, что они не смогли рассчитать свои силы и возможности. Сама она его не закончит.

Строить она может, но кто заработает на стройку? И еще она боится деревообрабатывающего станка и сварочного аппарата. Да и зачем он ей? Но оставить его как не родившегося ребенка на полпути, когда все планы и мечты умрут вместе с мужем? Она думала, как похоронит его. Он просил сжечь. На крематорий денег нет. Может клиенты, очень уважающие мужа, скинутся? А может получить свидетельство о смерти, собрать доски на стройке и сделать костер возле этого дурацкого дома? Ведь, если в жизни ее любимый, что называется, «горел» и на работе и в домашних делах, то и после смерти его не должно коснуться мерзкое тление.

– «Да нет же! Нет!» – Она вдруг вспомнила о себе? –

«А как же я? Как жить мне в этом недоделанном склепе? Как жить, зная, что нет больше на земле моей половинки?» – Она теряла сына и знала уже эту боль. Тогда она не знала Законов развития этого мира и, будучи атеисткой, так пережила смерть сына, что потеряла разум на какое-то время. А потом, когда ее увезли, была парализована два месяца. Училась ходить больше года, есть и жить как все. Но как все жить все же не смогла и искала ответы на свои вопросы и сомнения. И нашла. И еще нашла человека, который тоже ждал ответа на такие же вопросы, и они вместе пошли по жизни совершенно новой дорогой, непохожей на жизнь простых, плоских людей. Они понимали значение испытаний в жизни. Вместе искали решение задач, гасили раздражение из-за ошибок друг в друге, радовались открытиям и любили друг друга. Не разлучаясь, все эти годы, старались наверстать время, проведенное в одиночестве до их встречи. Она уже знала, как устроен мир, и мысли о самоубийстве были далеко за пределами этих знаний. А то, что «они жили счастливо и умерли в один день» – это дар небес немногим. И теперь ей доживать придется одной. Нет! Она, конечно, встретится с ним за пределами этого материального мира, но все ли она сделала здесь? Да и сам Генка не собрал еще обещанное ожерелье из жемчужин мудрости, для нее.

Гену встретила не смерть с косой. Пришел «лифтер». И это был ни кто иной, как Архангел Михаил. Гена это аб-

солютно точно знал и был теперь спокоен.

Они неслись стремительно, но не настолько, чтобы не рассмотреть окружающее их пространство, явления. Далеко внизу еще видно было маленькую женщину, его спутницу жизни, с которой его связывали века. Он видел, как совсем недавно Юлька бежала по дороге, сбивая коленки. Падала, и, не успев толком встать, снова бежала вызывать «скорую помощь». Но это воспринималось краем сознания и не имело сейчас значения. Как не имело значения, что с его телом.

Когда призрачный мир, в котором он жил, начал удаляться со скоростью брошенного камня и Земля осталась далеко с земными проблемами, вокруг, вокруг него, сменяя друг друга, ожесточенно толкаясь, сгрудились монстры, пытаясь пробиться сквозь прозрачные стенки своеобразного лифта.

Мысли здесь имели форму, вес и жизнь. Фильмы ужасов – это лишь малая часть. И они все здесь. Герои страшных сказок, и лица настоящих людей, искаженные до неузнаваемости пороком. Все это было продуктом эмоций людей, и в то же время источником эмоций современного человечества.

Гена разглядывал эти оскалившиеся в беспомощном гневе морды, видел царапающиеся по невидимому стеклу, когти. Эти уродливые монстры были очень близко, но их отделяла перламутровая стена столба Света.

Мгновенным импульсом промелькнуло сказанное Архан-

гелом:

– «У них есть еще и запах, который пока тебе лучше не знать».

– Ну и как пахнет страх, жажда убийства, ненависть, мстительность?

– «Это не сейчас».

В этой презентации он был просто наблюдателем, пассажиром скорого поезда. И это была не станция, на которой можно выйти понюхать полевые цветы, подышать воздухом нового места, а всего лишь эпизод, промелькнувший за окном.

Гена спешил Домой.

Конечная остановка не сопровождалась объявлением о прибытии скорого поезда номер такой-то. Праздника по поводу прибытия новопреставленного не наблюдалось. Тоннель просто сменился янтарной комнатой.

А какие еще ассоциации могут возникнуть в голове человека, никогда в жизни не видевшего другого, подобного этому, материала. Янтарь во всем своем великолепии. И ведь кто-то уже видел эту комнату, если пытался воссоздать ее на земле.

Гена был в полном сознании и здравом уме, в котором и пытался уложить все увиденное. «Про запас» или как новую для него реальность, в которой теперь придется жить,

или снова жить – не известно. Не все, что он ощущал и видел, удалось перевести на язык земного восприятия. Но не это его заботило.

Его не встречали родственники, оставившие землю давно или не так давно. Его здесь не встречали существа Света, чтобы ободрить или просветить о том, где он и зачем. То есть «свет в конце туннеля» был не для него, хорошо это или плохо. Просто это было так. Свет был с ним во время пути и в конце этого пути и сейчас был с ним.

Пунктом назначения была очень большая комната. Гена вошел в комнату с трепетом. Ощущение таинства наполняло воздух вокруг. Все стены там были из янтаря с красивым замысловатым узором. Вернее это был не узор, а печати, руны. Эта комната создавалась для определенной цели, это был инструмент. Янтарь был необходим, как струны для арфы. Это был монолит, и рисунки сделаны как будто самой природой. Именно природой этого материала. Они усиливали действие янтаря, действие самой геометрии этой огромной комнаты. Попробуй нанести малейший штрих или глубокую царапину на стене – и царапина растает, вернув прежнюю чистоту. Лишний штрих – и меняется геометрия пространства, сбивая с настроя того, кто пришел сюда с определенной целью.

Здесь не было необходимости крутить головой, чтобы увидеть все это великолепие, не подверженное хаосу. Он видел все вокруг одновременно. Сверху, снизу все было на-

столько четко видно, что даже самое хорошее зрение на земле не сможет передать детали и нюансы. Это была и отдаленная панорама и в то же время, каждая деталь в отдельности. Но самое непостижимое ощущение заключалось в том, что это все была Любовь.

Это слово так потаскано людьми на земле, что уже не передает его смысл, его дух! Любовь была всепроникающая, как тепло солнца. Она была одновременно и словами любви и ласковым светом и щемящей сладкой болью единения. Она была знанием и бессознательным блаженством. Гена дышал ею, она согревала все его существо, проникала в затаенные уголки памяти. Любовью здесь был сам воздух. И это она была творцом всего этого великолепия. Она стояла в воздухе, как аромат, как теплое облако. Каждый кусочек пола, стен, был пропитан любовью. Она напоила все его существо и пробудила память. Любовь звучала тихой, нежной, но сильной мелодией. И это была не любовь за что-то или чья-то любовь, – это была сама Мать всего сущего, проявленная в этом доме, его уюте.

Было ощущение, что он вернулся после командировки. Там, где он жил и работал на земле все это время – был очень узкий диапазон условий для существования. Там он ощущал то невыносимую жару, то мучительный сковывающий холод, сырость, голод. То мешала одежда, то ее не хватало. На земле он испытывал боль. Но все это осталось там, где было его

тело, оставленное, как поломавшийся автомобиль. Он бросил его на обочине дороги и вернулся домой.

Здесь не было ни холодно, ни жарко. Здесь было света и тепла ровно столько, сколько необходимо. Здесь не было неожиданностей, которые он так не любил. Было очень спокойно и знакомо. Да, теперь знакомо. Он вспомнил и эту комнату, и этот аромат Реальности, а не просто действительности. Да, он дома, в одной из рабочих комнат, где должно быть Зеркало.

Существование этого Зеркала научно обосновал Вернадский. Не важно, как он дошел до этого, но мир узнал, что существует ноосфера, хранящая все записи происходящего на Земле. Она, подобно атмосфере, тонким зеркальным слоем окружает Землю, отражает все события. В восприятии ученых это видится так, но вызывает больше вопросов, чем ответов: как читать записи, из чего состоит, как запись увидеть, какие приборы создать для работы с ней?

А здесь просто комната, просто Зеркало и… просто Хроники Акаши. Для восприятия Гены они выглядели, как картины.

Картины его жизни, взятые из хроник Акаши, не были плоскими. Картинная галерея была его собственной. Но на этих, с позволения сказать, полотнах, были и другие

люди. Они были частью его картин, его жизни. Оттуда тянулись ниточки судеб других людей, тесно переплетаясь с его судьбой.

Он остановил свой взгляд на серой неприметной картине. Серой она была от пыли и дыма на поле сражения. Война. Это была его война, судя потому, как у него сильно забилось сердце. Сердце. Как странно это звучит в этом мире. Картина медленно, но уверенно вползала в душу, будила чувства, ощущения и память. В воздухе запахло гарью. Память быстренько подсуетилась и добавила звук: «клац».

– Черт, опять сорвалась гусеница!

Танки шли медленно и зловеще.

Картина вбирала Гену в себя, погружала в войну, в его войну. Где-то на краю цепляющегося за действительность сознания Гену промелькнула мысль:

– «Как я расскажу о картине? Как критик, типа „хорошая техника исполнения, яркие краски, удачный ракурс, мастерство цветопередачи“…или что там еще говорят о живописи? „картина написана неизвестным художником (ну не мастером же) в неизвестно каком году. Холст. Масло“. Бред. А вот то, что происходит сейчас не бред. Да, а расскажу ли?»

На этой картине нет места словам. Или в этой картине? Они звучат самим фоном и выглядят неотъемлемой частью самой картины. Вот грубый мазок отрывистой команды наступать, гортанный окрик офицера.

– Ты еще скажи «нежная акварель стонов умирающих» –

сказал кто-то.

Голос мгновенно развеял дым сражения и напомнил, что это картина на стене. Просто картина.

– Нет, не просто. У тебя теперь есть «ключи» от этой комнаты. Изучай, – сказал Хранитель Свитков.

На другой картине было что-то похожее на Рим. Жаль, что внизу нет таблички с названием и годом «выпуска». Да и экскурсовод куда-то пропал, если вообще появлялся. Может только голос и был. Гена все же осмотрелся, ища того, кто объяснит суть происходящего здесь. Вернее объяснит, почему он видит это картинами, а не как еще. И услышал:

– Картина – это концентрированная многослойность мира. Картина – это срез кармического рисунка.

Когда смотришь на работу истинного художника, то глубина познания мира зависит только от глубины души зрителя. Собрание картин – это оркестр. Картина – это концентрат эмоций. Именно эмоции «включают» звук и ищут своего зрителя.

– Что такое абстракция, импрессионизм?

– Какофония или Дверь в безумие.

На другой картине он внимательно оглядывал местность. Все было так, как докладывали разведчики. План наступления танковой бригады он разрабатывал сам. Впереди находился город, который нужно взять…

А вот он объясняет, что колбу нужно держать под наклоном, когда осторожно добавляешь другой реагент…

Здесь он чувствует себя маленьким мальчиком, он видит печь и немцев возле нее. Они работают, закатав рукава немецкой формы. Ужасно костлявые трупы перегружают из газовой камеры. За поясом у немцев болтались противогазы старого образца, с двумя лямками-застежками. На дверце печи отчетливо было видно цифру 1837 г. и надпись «Baden Tirtgohfen».

А вот его и Юлькин дом.

Еще много, много картин его жизни. Эти картины, как маяки зажглись для него в сознании, остались в памяти. Он будет вглядываться в них еще не раз. Он мог заново пережить все, что видел.

Он увидел не просто эту его жизнь: некоторые аспекты его жизни были тесно связаны с его прошлыми рождениями на земле. События одной жизни перетекают в события другой, а характерные черты поведения соединяют то тонкими ниточками, то мощными канатами его судьбы на земле. Наконец-то он может увидеть причину и следствие своих ошибок и заблуждений. Этот «фильм» имел продолжение, Гена видел, куда его может привести цепь событий. Он рассматривал картины жизней, как одно непрерывное действие. Сменялись эпохи, одежда, окружение, а цепь событий и простого быта вела его по намеченному пути, допуская отклонения. «Шаг вправо, шаг влево – расстрел» – не всегда, но бывало и так. И все начиналось снова, снова рождение, испытания, уроки жизни.

Гена вглядывался в эти сюжеты и как лицо заинтересованное и отстраненно, как ученый. Ведь зачем-то он попал сейчас сюда? За ответами, из-за какой-то ошибки в собственной жизни? Или это своеобразная шпаргалка, в которую можно подсмотреть и вернуться с правильным решением. Но уж очень мучительный путь сюда ему пришлось проделать. Все говорило, что с оставленным телом его уже ничего не связывает. Не было и необходимости смотреть, что с ним будет. Да и кому интересно читать детектив, когда все уже известно. Получается, что жизнь – это детектив? Похоже на то. Детектив начинается, если есть смерть человека. Каждая жизнь заканчивается смертью. В каждой жизни есть маленькие и большие нарушения закона. Каждая жизнь полна загадок. А следствие проводится ЗДЕСЬ. Стратегию жизни тоже разрабатывают здесь, а тактикой занимается каждый в отдельности уже на земле. Он понял, что проявление его необычных способностей – не цель в жизни.

Это был мир Любви. Здесь была Любовь, ради которой можно на все пойти. И вот он здесь, с Ней, в Ней, во имя Нее. Он вновь ощутил себя частью этого мира.

Он не заметил, когда рядом кто-то появился. Это были великие люди и они были ему знакомы, но их величие не давило, не пугало. Хотелось задать столько вопросов! Но так сколько же? Часть сознания Гены была закрыта и все же ответы на невысказанные вопросы были кратки и в то же вре-

мя исчерпывающие. То, что он мог вместить в этом мире духа, ему сейчас казалось огромным, безбрежным океаном знаний. И это было лишь крупицей.

Он ждал решения этого величественного собрания. Он ждал определения его места для дальнейшего существования в этом духовном мире. Приговор он уже вынес себе сам, как это делает каждый пришедший сюда. Он смотрел на эти светлые одухотворенные лица и понял, что очень скоро придется вернуться в тот мир, что оставил. Но кем он вернется, куда?

– прозвучал ответ. Он решил, что теперь на земле он должен пройти новое испытание – попасть в тюрьму. Гена готов был на все, даже на это, не раздумывая ни мгновения за что его могут посадить. Если нужно заплатить долги, искупить древнюю вину, то и карцер подойдет. Говорят: «я для тебя готов на все, даже на смерть». А Гена был готов на все, даже на жизнь. Он не сразу понял, что тюрьмой было его тело, он опять возвращался в свою собственную тюрьму. Состояние его «автомобиля» прошло здесь оценку, и было признано пригодным к дальнейшему использованию.

Мир вокруг наполнялся истинной Реальностью. Таяли тени человеческих суеверий и предрассудков. Исчезали нагромождения условностей общества, как рябь на воде. Пусть он

был только маленькой лужицей по сравнению с океаном человечества, но в ней отражалось теперь все небо, озаренное светом. Отражалось ночное небо и звезды. Он был частью этого неба теперь.

Он знал теперь, он абсолютно точно знал, что оттуда, из этой невообразимой глубины к нему тянется рука друга. И еще сотни и сотни дружеских рук ждут момента, когда и он протянет свою руку. Он теперь знал их в лицо, ждал встречи, понимал свое значение на земле. Потому, что стал той ниточкой, что свяжет земную жизнь с лучезарной октавой Света, куда ушли жить и трудится Великие Души великих людей.

– «Дура, какая же я дура! Сколько прошло времени! Решила, если уже живому дыхание не могу вернуть, то мертвому тем более? Мертвые все одинаковые. Ведь пробовала не раз возвращать повешенных, утопленников».

Эгоизм, оказывается, может быть мощным двигателем, и он вывел ее из ступора. Она разозлилась и начала бить его по щекам. Стоп. Этим чувствам здесь не место. Она огляделась. Собаки просунули свои мордочки поближе, и, казалось, ждали чего-то от Юльки. Нужно сделать искусственное дыхание. Она взгромоздилась на Гену и вложила все свои силы, чтобы расшевелить легкие. Четыре толчка в грудь двумя кулаками, изо рта в рот, опять грудь. Ладони болели, да и кулаками получалось лучше. Пробовала даже коленями.

«Какой же он холодный!» – нет, руками все же удобнее. Вошла в ритм и перестала замечать боль разбитых коленей, измученных рук, потеряв ощущение времени. Если бы Гена не шевельнулся, она делала бы это как машина до утра или дольше. Или пока не упала бы без сил. Она забыла про «скорую», про людей, про холод и нелогичность ее действий. Говорят, что открытия часто делают дилетанты потому, что не знают, возможно ли это, согласно общепризнанной науке. Но мысли в страхе от такого напора тогда куда-то попрятались и не мешали. Когда она наклонилась к губам в очередной раз, что-то внутри мужа булькнуло. Она быстро повытаскивала у него изо рта щепки от деревяшки, когда просовывала ее, чтобы разжать зубы и отодвинуть распухший язык. Силы прибавилось, и она с азартом продолжила начатое искусственное дыхание. В это время донесся сигнал машины. Ах да, это же «скорая». Юлька повернула подававшего признаки жизни Гену набок, подложила под голову рубашку и побежала встречать машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.